

Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена

Université de Genève

Международный благотворительный фонд им. Д. С. Лихачева

АНО «Поддержка культурного наследия»

Федеральное агентство по культуре и кинематографии

Комитет по науке и высшей школе Правительства Санкт-Петербурга

Петербургский институт нудайки

МОРТИРА И СВЕЧА

Материалы международной летней школы по авангарду,
посвященной столетию со дня рождения Даниила Хармса

Научный редактор *Александр Кобринский*

Поселок Поляны Уусикирко Ленинградской области
2005

Письмо поэта: о слово-творчестве у Марины Цветаевой

Для меня все слова малы, отродясь, всегда.
И за малейшее из них я так: из недр — благодарна.
Марина Цветаева

Эпиграф есть некая замена вступления, сжатое содержание последующего текста, основная мысль... Эпиграф не может быть случаен, его назначение всегда «быть к месту». Потому, без лишних слов, вступлений, обоснований: самодостаточностью эпиграфа — прямо к теме — метанарраций Марины Цветаевой о природе слова и слово-творчества.

Данная работа представляет собой попытку интерпретации некоторых литературных взглядов поэтессы по материалам ее прозаических текстов: писем и «Сводных тетрадей» при параллельном их сопоставлении со схожими моментами в литературно-критических эссе. О цветаевском эпистолярном А. Саакянц писала: «...Ничто так не характеризует Цветаеву-человека, как ее письма. Даже если на одну чашу весов положить всю поэзию и прозу, а на другую — только письма, — вторая чаша, по-моему, перевесит» (5, 5). Однако письма и тетради представляют собой не только биографический, но и важный литературно-критический материал: многие цветаевские размышления в них могут быть использованы как автокомментарий ее произведений. Кроме того, письма и записи — замечательный пример цветаевской работы со словом, о чем писал Жорж Нива: «Неутомимые поиски слова, столь характерные для поэзии Марины Цветаевой, в ее тетрадях доходят до одержимости» (4, 139).

Слово в творчестве Марины Цветаевой во всем многообразии связей, реализуемых в тексте, выступает структурирующей единицей языка, важным элементом поэтического мироустройства: как писала она в одном из писем, именно в «игре слов и смыслов» заключено перерождение мира (9, 244). Исследователями доказано, что цветаевская концепция слова напрямую связана с мифотворчеством, где слово изначально является воплощением духа, высшей степени бытия: «Стихия слова — единственная из всех стихий отродясь осмысленна, т.е. одухотворена» — читаем в «Сводных тетрадях» (7, 360).

Центральным моментом ее рассуждений о природе слова становится вопрос корреляции формы и содержания, изображения и смысла в текстовом пространстве. Приведем две цветаевские цитаты, которые, как нам кажется, выражают суть ее отношения к данной проблеме: «Там, где может быть перевес «формы» над «содержанием», или «содержания» над «формой», — там сущность никогда и не ночевала («Световой ливень» — 8, 237); «Весь вопрос формы и содержания: одновременно вступить на коврик. А в Царстве Небесном — не женатся» (7, 173). Кажущееся противоречие между высказываниями лучшим образом отражает столь характерную для Цветаевой дихотомичность творческой позиции, о чем важно помнить, читая ее тексты.

Итак, по многим рассуждениям Цветаевой можно предположить, что форма понимается ею как сочетание двух взаимодействий: желания поэта «явить бытие» и желания бытия «явить себя» посредством поэтического слова. В первом случае язык выступает материей, не просто отражающей, но продуцирующей бытие, а творчество предстает как особый мир, альтернативная земной реальность с самодостаточностью креативного потенциала, а поэт наделяется демиургической силой: «... Поэты не только не подчиняются обрядам, но — творят их» (7, 135). Во втором случае причинно-следственные связи в отношениях между формой и смыслом обретают иную направленность. Приведем несколько цитат: «Не я из слов выбирала сто первое, а она (вещь) на все сто эпитетов упиравшаяся: меня не так зовут» (8, 366); «Слышу не слова, а какой-то беззвучный напев внутри головы...» (8, 370); «... Слышу напев, слов не слышу. Слов ищу. Верно услышать — вот моя забота. У меня нет другой» (8, 285). Изменяются функции творчества — оно наделяется посреднической ролью, становится формой пророческого преломления божественных идей, а поэт назван «небесным глашатаем».

Среди источников, инспирировавших творчество Цветаевой в целом и тему поэта-посредника в частности, есть основания назвать философию Гераклита Эфесского. Мы предполагаем, что сопоставительный анализ некоторых моментов философии Гераклита, в частности его теории Логоса, со взглядами Цветаевой может стать интересным ракурсом проблемы посреднического слова.

Большой круг проблем в философии Гераклита сосредоточен вокруг переустройства общества и изменения религии и морали, которые видятся ему искаженными, поскольку созданы не на основании естественного закона. Начало процесса пересоздания — в изменении человеческого языка и мышления, потому центральное место в своей

теории Гераклит отводит Логосу. Разрыв связей между природой (Космосом) и человеком стал причиной того, что люди не могут прочесть или слышать книгу или речь бытия без посредника. По Гераклиту, это, естественно, философ.

Также и у Цветаевой несовершенство земного мира («Какое бесправье — земная жизнь! Какое сиротство!» (7, 96)) является причиной затуманенности первоначального смысла. Поэтому слово нуждается в очищении: «...Совести не хватает хвалить Бога на том же языке, на котором мы же, веками, хвалили и молили решительно все» (8, 361). Так, первым этапом очищения становится дематериализация слова, которую можно понимать как освобождение от власти стереотипа, от привязанности формы к какому-то устоявшемуся содержанию. Теряя свою внешнюю оболочку, слово снова возвращается в до-телесное состояние — молчание, тишину, за чем следует новое воплощение в цветаевском идиолекте. Опираясь на цветаевские записи, этот процесс можно было бы прокомментировать следующим образом: «Бледность можно истолковывать как отсутствие краски, можно — как присутствие белизны, серизны. Итак: отсутствие, доведенное до крайности, есть присутствие» (7, 73). Или еще одна интересная мысль: «Отсутствие произвола — власть над предметом путем подчинения ему, — ах, поняла: Победа путем отказа!» (7, 15). Подчинение предмету, по Цветаевой, есть постижение сути вещей, изначального ее «смысла» — на этом основан закон поэтического иносказания: «Бессмысленно повторять (давать вторично) вещь уже сухую. Описывать мост, на котором стоишь. Стань мостом, или пусть мост станет тобою, отождествись и отождестви. Всегда иноскажи» (7, 329). Возобновление первоначального смысла видится поэтессе аналогичным процессам возобновления в природе: «Возобновление не есть повторение. Возобновление — в природе самих вещей, в основе самой природы. Возобновление в природе — это создание такого же, но не того же самого; подобного, но не тождественного; нового, но не старого, создание, но не повторение» (8, 408).

Закономерно, что даром посредника в мире земном, по Цветаевой, наделяется поэт — о чем она не раз писала в письмах. К примеру, в письме к Е. А. Черносвитовой: «Хотите одну правду о стихах? Всякая строчка — сотрудничество с «высшими силами», а поэт — много, если секретарь» (9, 182). Схожие размышления встречаем во многих ее литературно-критических эссе, как, например, в работе «Поэт и время»: «Есенин погиб, потому что другим позволил знать себя, забыл, что он сам — провод: самый прямой провод» и далее — «Есенин погиб, по-

тому что забыл, что он сам такой же посредник, глашатай, вожатый времени» (8, 335).

Творческий путь понимается М. Цветаевой как работа по «восстановлению утраченных связей»: «...Какова цель (Ваших писаний и моих — о людях). ВОСКРЕСИТЬ. Увидеть самой и дать увидеть другим» — написала она в одном из писем В.Н.Буниной (9, 247). Приведенная цитата перекликается со многими моментами эссе «Световой ливень», где Цветаева рассуждает о поэтическом даре Бориса Пастернака (в данном контексте важен именно Пастернак как бесспорная величина в поэзии). Из статьи следует, что творчество поэта, по Цветаевой, есть процесс воплощения в творении только ему ведомой «сущности», (см. «Световой ливень» — 8, 231–245). При этом слово оказывается, как верно замечает И. Шевеленко, только «естественным и само собой разумеющимся средством закрепления «сущности»» (11, 153).

В процессе постижения законов мироздания, по Гераклиту, большее значение имеет зрение, глаза — как читаем в «Фрагментах»: «...Глаза, не уши, более точные свидетели» (2, 39). Для Цветаевой же важнее оказывается слух: «Буду много слушать: глазами, ушами, душой» (9, 581); «...Сердце Ваше (слух) подалось на оборванность последних строк» (8, 137); «Лучший читатель читает закрыв глаза» (7, 133). Потому поэт у нее должен обладать «даром души» и «даром слуха», причем слуха особенной природы, не-земной: «Я — то Дионисиево ухо (эхо) в Сиракузах, утысячающее каждый звук. Но, утверждаю, звук есть всегда, только простым ухом (как: простым глазом) не слышать» (7, 123).

С философскими идеями Гераклита перекликается и цветаевское особое отношение к снам как к состоянию, при котором становится возможным прикосновение земной сущности к Космосу. В одном из писем читаем: «Мой любимый вид общения — потусторонний: сон, видеть во сне. А второе — переписка. Письмо, как некий вид потустороннего общения, менее совершенно, нежели сон, но законы те же» (9, 244). Пространство сна, по Цветаевой, свободно от всяких детерминаций, в первую очередь, от нашей воли: сон — «не по заказу: сниться не когда нам хочется, а когда хочется: сну — быть увиденным» (9, 225). Правда, это правило не без исключений: «... Некоторые могут, особенно дети — управлять своими снами» — читаем в «Сводных тетрадах» (7, 424). Так же воспринимает поэтесса и свои сны: «Я сню свои сны (волевое)» (7, 153); или еще пример: «Я не сновидящий, у меня зоркий сон. Я глазами вгрызаюсь, не в меня wpłyвает. И сны

так вижу со всеми пятью чувствами» (8, 397) — что опять же выражает дихотомичность ее видения. Несомненно одно: природа творчества типологически схожа с природой сна — обе они подчинены законам иррационального и основываются на интуитивизме. Потому сновидчество и словотворчество в их единстве должны быть присущи поэту: ««Я» поэт есть «я» сновидца плюс я речетворца» (8, 397).

Наделение слова посреднической функцией предполагает смысловую прозрачность его структуры, что нашло отражение в неповторимой выразительности цветаевского Логоса. На наш взгляд, уместна в данном случае апелляция и к платоновскому «эйдосу»: сама поэтесса в своих письмах и записях размышляла над некоторыми моментами философии Платона и однажды даже написала «Платон бы меня любил» — вероятно, за такую требовательность к слову. Также по всем приметам ее теория посреднического слова соотносится с греческим типом постановки вопроса о языке в культуре. Об этом писал в одной из своих работ и М. Гаспаров: «Словесный мир Цветаевой — это первоизданная расчлененность застывших платоновских идей, для каждой из которых найдено или будет найдено свое слово» (1, 148). Существенно, однако, что вместо центрального в греческом типе символа «ока», зрения, у Цветаевой особую значимость приобретает «слух», «ухо». Возможно, это следует из теории пророческого слова, которое в большинстве случаев было словом услышанным. Возможно, исходит из утверждения ею природного родства поэзии и музыки.

Из размышлений Цветаевой о природе слова следует, что функции его двунаправленны: 1) в пространстве горизонтали, т.е. земного мира — коммуникативная, где посредством слова преодолевается конфликт поэтического «я» с миром земным («Без слов — мост взорван, между мной и другим — бездна, которую можно перелететь только крыльями» (7, 18); «Стихи — следы, по которым я иду в Вашу душу» (7, 132)), восстанавливаются связи, упорядочивается хаотичный мир: «Родство вещей через слово: семьи, семейства слов» (7, 77); 2) в пространстве вертикали (земное-небесное) — «аккоммуникативная»: поскольку слово понимается как воплощенное бытие, «материализованный смысл», структура слова может восприниматься либо как источник смысла, либо как результат работы со смыслом, т.е. отражать, являть образ. Отсюда наделение слова магической силой. «Проговаривая» бытие, поэт реализует его, т.е. переводит в пространство реальности: «Стихи сбываются, потому — не все пишу». Именно в сочетании этих функций слово становится для поэта единс-

твенным способом выражения бытия и выражения себя, своей надземной природы, потому поэтесса писала: «Для меня стихи — дом, «хочу домой»» (7, 12). Дар поэта у Цветаевой — это сочетание необыкновенной тонкости восприятия слова и исключительной требовательности ко всем аспектам его проявления.

На основании вышесказанного попробуем соединить «стихию стихий» слово и творчество в размышлениях над понятием слово-творчество в том его варианте, как оно представлено у Цветаевой. Написанное таким способом, по-цветаевски, оно предполагает несколько семантических интерпретаций. Порассуждаем над ними:

1. Слово = творчество. Отражает, казалось бы, парадоксальное сочетание самоценности понятий с одновременным сохранением их созависимости: «слово» и «творчество» представляют собой две стихии, которые получают свое полноценное выражение посредством друг друга. В данном случае видится нам уместной следующая параллель: «Во мне, думаю, вы любите главным образом слово, через слово — душу. Бывает, что через душу — слово. Я бы предпочла единовременность и единоглавенство» (7, 102). Переводя содержание цитаты в семантическое пространство сочетания «слово = творчество», мы по-цветаевски обозначим суть этой реляции: единовременность и единоглавенство.

2. Соподчинение — в сочетании «слово-творчество» одно из понятий может выступать как поле действия другого, а именно:

1) слово как творчество — примером могут выступать различные окказиональные формы, в которых создание «нового тела» влечет за собой появление нового смысла; также и различные комбинации со словом, слогом, буквой, результатом которых становится новое содержание. К примеру: «Все Ваши дороги ведут в Мир» («Все дороги ведут в Рим»), «... Встреча с Вами была для меня некоторым освобождением от Вас же, выдохом...» (7, 127) — обратное прочтение слова «Рим» и части слова «выдох», аналогии которого со словом «выход» следуют из содержания цитаты, строится по типу, частично схожему с законом двойного направления внутри стихов, представленного в творчестве Велимира Хлебникова; «Я сейчас поняла: с Э<ренбургом> у меня было Р, моя любимая (мужественность!) буква: дружба, герой, гора, просторы: все прямое во мне» (7, 97) — однородный порядок слов подчинен магическому влиянию буквы «Р» (7, 97).

2) слово как результат творчества: изменение «фактуры» слова продиктовано желанием вернуть словам их изначальный смысл. «И всю Вашу небрежную (не бережете!) нежность» (7, 103) — изменение сло-

воформы, как нам кажется, имеет обратную зависимость, исходя из омофонии «не бережете», первоначального смысла, с «небрежностью» как дополняющим смысловым оттенком.

В заключении хотелось бы обратить внимание на еще один момент концепции природы поэтического слова. В своих высказываниях о Высшем мире, об инобытии Цветаева в большинстве случаев избегает прямого их названия, заменяя Имя место-имением в указательной форме, которая одновременно предполагает причастность поэта к этой тайне (указывает, ибо знает). «Самозабвение: полнейшее самосознание при полнейшем забвении всего, что не ты: не то в тебе. — Другозабвение» (7, 66). «Мертвые — как дети — хорошеют день ото дня. (И в памяти живых — и Там!)» (7, 135). Такие слова составляют отдельную группу определений, в которых форма выступает лишь некоторым намеком на множество смыслов и является чисто условной.

Проведенный анализ основных моментов понимания Мариной Цветаевой природы поэтического слова, соотношения внутри него формы и содержания показывает, насколько неоднозначно, многоаспектно, бесконечно в интерпретациях представлена эта проблема в ее текстах. В цветаевской теории Логоса как посреднического слова мы видим не только своеобразный отзвук античных философских теорий логоса и идей-эйдосов (первообразов, прообразов вещей), а также и христианского учения о Логосе, ставшем плотью. Представление Цветаевой о языке перекликается и с идеями мыслителей и лингвистов XX века об автономии языка, обладающего собственными законами развития и порождения. И все же, на фоне этого многообразия версий и трактовок, на утверждении равноценности формы и содержания, нам кажется, что в цветаевской мысли чаще акцентируется внимание на первоначальной значимости «смысла», «духа» слова. Не об этом ли ее слова в письме К. Б. Родзевичу: «Язык — примета века. Суть — Вечное. И потому полная возможность проникновения друг в друга, вопреки розни языка. Суть перекрикивает язык» (9, 662).

Литература:

1. Гаспаров М. Марина Цветаева: от поэтики быта к поэтике слова//Гаспаров М. Л. О русской поэзии. СПб, 2001. С. 136–149.
2. Гераклит Ефесский Фрагменты. Перевод В. Нилендера. М., 1910.
3. Жаккар Ж-Ф. Даниил Хармс и конец русского авангарда. СПб, 1995.
4. Нива Ж. Миф об Орленке (по материалам женеvских архивов, связанных с Мариной Цветаевой)//Звезда. 1992, № 10. С. 139–150.

5. Саакянц А. Письма поэта//Цветаева М. Собрание сочинений в семи томах. Том 6: Письма. М.,1995. С. 5–9.
6. Ханзен-Леве А. Русский символизм. СПб, 1999.
7. Цветаева М. Неизданное. Сводные тетради. — М., 1997.
8. Цветаева М. Собрание сочинений в семи томах. Том 5: Письма. М.,1994.
9. Цветаева М. Собрание сочинений в семи томах. Том 6: Письма. М.,1995.
10. Цветаева М. Собрание сочинений в семи томах. Том 7: Письма. М., 1995.
11. Шевеленко И. По ту сторону поэтики (к характеристике литературных взглядов М. Цветаевой)//Звезда. 1992, № 10. С. 151–161.